

Я готов побеседовать с Вами на эту тему, но не сейчас, а после отпуска, т. е. в октябре.

Желаю Вам всего хорошего.

И. СТАЛИН

20.8.26 г.

Сталин — Рыкову, Молотову, Петровскому, Микояну О БЕСЕДЕ С ГОРЬКИМ

<6 июня 1928 г.>

Шифром

Рыкову, Молотову, Петровскому, Микояну

Беседовал с Горьким. Предлагает разрешить федерации писателей издание еженедельной общественно-литературной непартийной газеты, при условии, что фактически руководство будет находиться в наших руках, а официальным редактором будет непартийный. Горький не прочь связать с такой газетой свое имя. Цель газеты — подцепить новые молодые писательские силы и привести их к нам. Халатов приветствует появление такой газеты. Лично я возражений не имею. Ваше мнение? Второе. Горький думает издать двухмесячный журнал с превращением его потом в ежемесячный. Задача журнала — отражать наши достижения во всех областях работы. Горький не прочь быть редактором такого журнала. Цель такого журнала понятна сама собой, особенно с точки зрения популяризации наших успехов вне СССР.

Думаю, что следовало бы разрешить Горькому издание такого журнала. Ваше мнение?

СТАЛИН

Письмо объединения «Пролетарский театр»

И. В. Сталину

<Москва, декабрь 1928 г.>

Уважаемый товарищ Сталин!

Целиком доверяя Вам как выразителю определенной политической линии, мы, нижеподписавшиеся члены творческого объединения «Пролетарский Театр», хотели бы знать Ваше

мнение по следующим вопросам, волнующим не только специальные круги, но, бесспорно, и имеющим общекультурное и общеполитическое значение:

1. Считаете ли Вы, что констатированная партией правая опасность в политике, питаясь теми же корнями, просачивается и в область различных идеологических производств, в частности в область художественной литературы и театра? Относятся ли к проявлениям правой опасности такие факты, как на шумевший конфликт во МХТ-2 (где советская общественность пока победила), как «головановщина» (не ликвидированная до конца в Большом театре, но поднявшая голову в консерватории, где на ее сторону встала... партийная ячейка!), как поощрение Главискусством сдвига вправо МХТ-1 (где советская и партийная общественность пока бита)? Считаете ли Вы марксистским и большевистским заявление т. Свидерского (опубликованное в «Рабочей Газете») о том, что «всякое (!) художественное произведение уже по своей сущности революционно»? Считаете ли Вы марксистской и большевистской художественную политику, построенную на таком утверждении?

2. Находите ли Вы своевременным в данных политических условиях, вместо того чтобы толкать такую крупную художественную силу, как МХТ-1, к революционной тематике, или хотя бы к революционной трактовке классиков, всячески облегчать этому театру соскальзывание вправо, дезорганизовывать идейно ту часть мхатовского молодняка, которая уже способна и хочет работать с нами, сбивать ее с толку, отталкивать вспять эту часть театральных специалистов, разрешая постановку такой пьесы, как «Бег» Булгакова, — по единодушному отзыву художественно-политического совета Главреперткома и совещания в МК ВКП(б), являющейся слабо замаскированной апологией белой героини, гораздо более явным оправданием белого движения, чем это было сделано в «Днях Турбиных» (того же автора)? Диктуется ли какими-либо политическими соображениями необходимость показа на крупнейшей из московских сцен белой эмиграции в виде жертвы, распятой на «Голгофе»?

3. Почему, имея дело с сухой и схематичной агитацией белых газет, мы не полагаемся на «иммунитет» широкого читателя и конфискуем случайно проникающие к нам экзем-

пляры этих газет, отнюдь не думая восстанавливать свободу печати для буржуазии; а имея дело с тою же, по существу, агитацией, но при том искусно замаскированной высоким художественным мастерством «художественников», тем самым во сто крат усугубленной в своей впечатляющей силе, во сто крат более тонкой, действенной и опасной, — благодушно уверены в... «иммунитете» зрителя и щедро тратим народные деньги на подобные инсценировки? Возможно ли, чтобы в какой-нибудь буржуазной стране (например, в Англии), не находящейся в социалистическом окружении, буржуазная диктатура не только смотрела сквозь пальцы на аналогичные проявления пролетарской идеологии, но и щедро субсидировала их из госбюджета? Имеем ли мы дело в данном случае с проявлением более высокого в принципе типа советской демократии или же, попросту, с неуместным прекрасодушием?

4. Как расценивать фактическое «наибольшее благоприятствование» наиболее реакционным авторам (вроде Булгакова, добившегося постановки четырех явно антисоветских пьес в трех крупнейших театрах Москвы; притом пьес, отнюдь не выдающихся по своим художественным качествам, а стоящих, в лучшем случае, на среднем уровне)? О «наибольшем благоприятствовании» можно говорить потому, что органы пролетарского контроля над театром фактически бессильны по отношению к таким авторам, как Булгаков. Пример: «Бег», запрещенный нашей цензурой, и все-таки прорвавший этот запрет, в то время как все прочие авторы (в том числе коммунисты) подчинены контролю реперткома. Как смотреть на такое фактическое подразделение авторов на черную и белую кость, причем в более выгодных условиях оказывается белая? В чем смысл существования Главреперткома, органа пролетарской диктатуры в театре, если он не в состоянии осуществлять до конца свою задачу (что, повторяем, происходит отнюдь не по его вине)?

5. Если все вышеприведенное позволяет говорить о том, что в области художественной политики «не все благополучно», то достаточно ли интенсивна и действенна, по Вашему мнению, та борьба, которая ведется с этим «неблагополучием» и в развитии которой нам приходилось слышать ссылки наиболее последовательных представителей правого «ли-

берального» курса на Ваше сочувствие? Соответствуют ли истине подобные ссылки, которые мы никак не можем отождествить с хорошо известным нам политическим курсом, представляемым Вами? Все эти вопросы (особенно последний), как Вы знаете, не могут не волновать широкие круги партийной и советской общественности, интересующейся вопросами культурной революции, и мы просили бы Вас дать на них такой же прямой и четкоориентирующий ответ, какой мы привыкли слышать от Вас по другим вопросам.

Члены объединения «Пролетарский Театр»

В. Билль-Белоцерковский (драматург), Е. Любимов-Ланской (режиссер, директор театра им. МГСПС), А. Глебов (драматург), Б. Рейх (режиссер), Ф. Вагграмов (драматург), Б. Вакс (драматург и критик), А. Лацис (теарботник и критик), Эс-Хабиб Вафа (драматург), Н. Семенова (теарботник и критик), Э. Бескин (критик), П. Арский (драматург).

По поручению членов группы:

В. Билль-Белоцерковский, А. Глебов, Б. Рейх

И. В. СТАЛИН

Ответ Билль-Белоцерковскому

<2 февраля 1929 г.>

Т. Билль-Белоцерковский!

Пишу с большим опозданием. Но лучше поздно, чем никогда.

1) Я считаю неправильной самую постановку вопроса о «правых» и «левых» в художественной литературе (а значит, и в театре). Понятие «правое» или «левое» в настоящее время в нашей стране есть понятие партийное, собственно — внутрипартийное. «Правые» или «левые» — это люди, отклоняющиеся в ту или иную сторону от чисто партийной линии. Странно было бы поэтому применять эти понятия к такой непартийной и несравненно более широкой области, как художественная литература, театр и пр. Эти понятия могут быть еще применимы к тому или иному партийному (коммунистическому) кружку в художественной литературе. Внутри такого кружка могут быть «правые» и «левые». Но применять их в художественной литературе на нынешнем этапе ее развития, где имеются все и